

дут от этого и вернуться к реальной жизни. В Интернете много насилия, и мы все перед ним беззащитны. Его последствия для всех могут быть абсолютно непредсказуемыми»». (URL: <http://old.sgu.ru/node/64395> (дата обращения: 13.02.2014)).

- 6 Гришкова Е. От жжизни к жизни. М., 2012. С. 5. Далее цитаты автора приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- 7 Понятие «нечёткой логики» в филологический оборот введено В. В. Прозоровым. (См.: Прозоров В. Другая реальность : Очерки жизни в литературе. Саратов, 2005. С. 11–14).
- 8 Осведомлённость в области сетевых и социальных медиа проявляется в разножанровых произведениях Виктора Пелевина, Владимира Сорокина, Татьяны Толстой (также издавшей сетевые дневники отдельной книгой), Леонида Каганова, Захара Прилепина, Сергея

Лукьяненко, Бориса Акунина и многих других ярких участников литературного процесса конца XX – XXI вв.

- 9 Гришкова Е. крайне щепетильно относится к оформлению своих текстов, следит за лексикой, орфографией и пунктуацией; в его интернет-дневниках мы не встретим «сетевого новояза», неуклюжих сокращений и графических символов типа «смайлика». Автор в драматургической манере указывает на свою мимику – это его «фирменная» ремарка.
- 10 См.: Словесность и коммерция (Книжная лавка А. Ф. Смирдина) / под ред. В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума. М., 2001.
- 11 «Никнэйм» – выбранное пользователем имя для самопрезентации в Сети. «Юзерпик» – выбранное пользователем изображение для оформления своего аккаунта, ассоциируемое с «никнэймом».

УДК 81'42-057.341:070

ВЕРБАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ НА ОТРИЦАТЕЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (на материале политического интервью)

Т. С. Боц

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: tatyana.bots@mail.ru

В статье рассматриваются способы и средства вербальной реакции президентов России и США на отрицательные оценочные высказывания представителей СМИ в ходе интервью и пресс-конференций.

Ключевые слова: политический дискурс, СМИ, публичный диалог, оценочные высказывания.

Verbal Reactions to Evaluative Negative Statements (on the Material of a Political Interview)

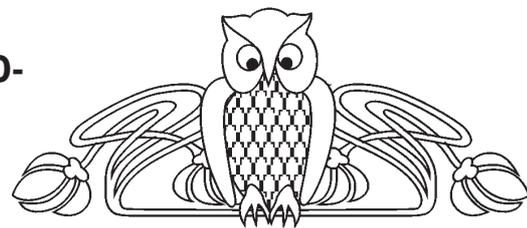
T. S. Bots

The article considers ways and means of verbal reactions of the Russian and the American presidents to the evaluative negative statements of mass media representatives in the course of interviews and press-conferences.

Key words: political discourse, mass media, public dialogue, evaluative statements.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-2-222-226

Особенности выражения отрицательной оценки и ответной реакции адресата в рамках политического дискурса до сих пор не выступали предметом исследования. Этот факт, а также специфика исследуемого материала объясняют необходимость обращения к исследованиям различных областей языкознания. Методологической базой данного исследования послужили работы в области коммуникативной лингвистики (Р. О. Якобсон,

О. Г. Поцепцов, А. Е. Кибрик, И. В. Арнольд, В. П. Морозов), риторики (А. К. Михальская, И. А. Стернин), семантики оценки (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова), политического дискурса (А. П. Чудинов, О. С. Иссерс, Е. И. Шейгал, О. Н. Паршина) и культуры речи (О. Б. Сиротина, С. В. Тер-Минасова, Т. В. Ларина).

Материалом нашего исследования послужили записи пресс-конференций и интервью президентов России и США за период с 2000 по 2015 г. Мы рассматриваем также «прямую линию» как особый вид массовой телекоммуникации с В. В. Путиным, ставший традиционной ежегодной формой общения российского президента с гражданами страны. О. Н. Паршина определяет прямую линию как «сложное речевое событие – особый событийный жанр, представляющий собой дистанционный публичный диалог вопросо-ответного типа между адресатом (телезритателями, читателями) и видимым политическим деятелем»¹.

За последнее десятилетие языковая личность В. В. Путина и Б. Обамы неоднократно становилась объектом лингвистических исследований (Е. В. Шустрова, М. М. Степанова, М. В. Гаврилова, Е. В. Куницына, Г. Огибин, Ш. Лиэнн и др.). Были определены отличительные особенности их речевого поведения, выявлен набор речевых тактик и средств их реализации. Одной из задач нашего исследования является изучение устной речи президентов как представителей двух различных лингвокультур и определение национальных особенностей их коммуникативного поведения. Исследование,

проводимое на материале речевого поведения президентов, позволяет использовать богатый корпус текстовых записей их устной речи, проследить динамику развития языковой личности, добавить новые оттенки к уже достаточно полно составленному языковому портрету.

Единицей нашего исследования является диалогическое единство. Вслед за Н. С. Беловой, под диалогическим единством мы понимаем последовательность двух или более тематически, логически, структурно и иллокутивно связанных реплик, первая из которых является стимулирующей, остальные – реагирующими². В рамках данного исследования реплика-стимул представлена вопросом журналиста, реплика-реакция – ответной репликой президента.

Неоспоримым является факт, что общение редко бывает бескорыстным, приоритетной целью журналиста выступает получение максимума информации³. По настоящее время сохраняет свою актуальность понимание роли журналиста Ф. М. Булгариним, изложенное еще при царской России. По его мнению, журналист является медиатором, посредником между властью и обществом. Он доносит до общества мнения и намерения власти и информирует власть об общественном мнении в виде, например, критических высказываний о мерах правительства⁴.

Тема ответных реакций на критику раскрывается в психологической практике при проведении тренингов по межличностному общению в сфере профессиональных коммуникаций. В одном из таких пособий автор достаточно просто определяет критику как высказывание неодобрения⁵. В основе нашего понимания природы критики лежит представление о ней как о высказывании, основанном на выражении негативной оценки. Под критическими высказываниями, или критикой, применительно к политическому интервью мы понимаем эксплицитно или имплицитно выраженную отрицательную оценку действий президента и правительства в целом.

Психолог Н. Н. Васильев перечисляет функции критики, такие как наказание виновного, доказательство собственного превосходства, выражение гнева (разрядка собственного напряжения), изменение поведения критикуемого. Наиболее актуальной функцией в рамках проводимого нами исследования является функция изменения поведения критикуемого. Сам автор говорит о том, что «только последняя функция – попытка изменить поведение критикуемого – соответствует задачам профессиональных коммуникаций»⁶.

В лингвистике проблематика оценочных высказываний рассматривается в работах таких исследователей, как М. Вольф (1985), Н. А. Лукьянова (1986), Н. Д. Арутюнова (1988), В. И. Шаховской (1990), И. Г. Дьячкова (1998), М. В. Петрушина (2003), И. В. Бессонова (2003) и др. Проводя исследование в рамках дискурсивного пространства, мы ориентируемся, прежде всего,

на коммуникативно-прагматический подход к изучению оценочных высказываний. Особенно важным для нас является их перлокутивный эффект, т. е. эмоциональное воздействие, которое отрицательная оценка способна оказать на адресата. Данная проблематика широко представлена в работах исследователей.

Так, Е. М. Вольф считает, что «оценочные высказывания могут рассматриваться как особый вид иллокутивных актов, где действуют специфические именно для них иллокутивные силы, целью которых является вызвать у собеседника перлокутивный эффект – эмоциональную реакцию»⁷. По словам Т. В. Маркеловой, «одобрительные или неодобрительные оценки вызывают определенные эмоциональные реакции адресата, в которых заинтересован субъект оценки»⁸. Изменение эмоционального состояния является значимым, потому что «может непосредственно влиять на порождение и восприятие речи – основных процессов речевой коммуникации, и соответственно коммуникативная удача/неудача находится в прямой зависимости от эмоционального состояния коммуникантов»⁹.

Структурные компоненты оценки включают в себя субъект оценки, объект оценки, саму оценку и основание. Под субъектом оценочной структуры Е. М. Вольф подразумевает лицо, часть социума или социум в целом, с точки зрения которого производится оценка¹⁰. Как правило, в политическом интервью говорящий (журналист) редко выступает субъектом оценки. Формулируя негативное высказывание, журналист ссылается на суждения других людей. Например, на мнение определенных слоев населения своей страны:

значительная часть общества/ меньшинство/ но тем не менее интеллигенция/ резко против этих поправок.

В некоторых случаях в роли субъекта оценки выступают органы государственной власти:

при обсуждении вотума недоверия в парламенте правые упрекали Вас в том, что, в принципе, за Правительство отвечает Вы, а не Премьер Касьянов;

but when it comes to your relationships with Congress/ one of the most frequent criticisms we've heard over the past few years from members on both sides is that you haven't done enough to reach out and build relationship.

Отрицательная оценка, высказанная определенным человеком, также используется журналистами как в российском, так и в американском медийном пространстве:

она [Хиллари Клинтон] несколько дней назад сказала/ что то/ что делает Россия в Восточной Европе/ похоже на то/ что делал Гитлер в 30-е годы;

deputy president in Kenya, who you're going to meet, Mr. Ruto, he said – «We have heard that in the US they have allowed gay relations and other dirty things».

Отрицательная оценка в политическом интервью может выражаться на всех уровнях языка. На лексическом уровне оценка реализуется посредством прилагательных и наречий:

*считаю поправки, которые вчера приняла Госдума, и **запредельными**, и **неадекватными**, и, извините, **людоедскими**;*

*deputy president in Kenya, who you're going to meet, Mr. Ruto, he said – «We have heard that in the US they have allowed gay relations and other **dirty things**».*

Основываясь на классификации частнооценочных значений, предложенной Н. Д. Арутюновой¹¹, мы можем сказать, что в данных примерах субъективный компонент высказывания включает нормативную оценку (*запредельный, неадекватный*) и этическую оценку (*dirty, людоедский*). Отметим, что слово *людоедский* приобретает метафорическое значение и вместе с ним отрицательную коннотацию благодаря контексту.

Одинаковое эмоциональное состояние в английском и русском языках может быть выражено разными частями речи. Например, при описании эмоции разочарования в английском языке эмоционально-оценочный компонент выражен субстантивированным прилагательным в роли подлежащего, а в русском – каузативной конструкцией:

*a lot of **disappointment** in your policy and performance has established itself;*

***вызывают сожаление** те действия со стороны России, которые имеют место у оккупированной линии.*

Объект оценки может быть представлен в речи с помощью различных средств языковой компрессии. Чаще всего встречается метонимический перенос. В условиях ограниченного времени ценным свойством метонимии оказывается способность экономить речевые усилия и заменять одним словом целую комбинацию слов. Наиболее характерным метонимическим переносом является перенос действий правительства на личность президента как центральную фигуру власти, либо на страну в целом. Местоимение, относящееся к президенту, и наименование страны синтаксически связаны с отрицательно-оценочным предикатом:

***вы** три года **душили** Украину ценами на газ; **то/ что делает Россия** в Восточной Европе/ **похоже на то/ что делал Гитлер** в 30-е годы.*

Критические высказывания и способы реагирования на них изучаются в работах по аргументативному дискурсу. Сотрудники Института психологии РАН В. А. Соснин и П. А. Лунев выделяют основные группы приемов реагирования на критику – уход от открытой конфронтации, получение дополнительной информации о содержании критики, согласие с критикой, эффективная защита при реагировании на агрессивность¹². Все эти приемы универсальны и широко используются в бытовом и деловом общении. Однако, проводя

исследование на материале политического интервью, мы должны учитывать его характерные особенности.

При описании способов и средств реагирования на критику мы будем пользоваться терминами «стратегия» и «тактика», которые активно используются в исследованиях политического дискурса. Актуальность термина «стратегия» в лингвистике сопровождается отсутствием общепринятой интерпретации. Вслед за О. С. Иссерс, под коммуникативной стратегией мы понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана»¹³.

Так, коммуникативной целью президента в ходе публичного диалога с представителем СМИ является защита власти и сохранение своего авторитета, а определяющим фактором коммуникативной ситуации выступает значительная разница в социальном статусе коммуникантов. Стратегия защиты включает в себя коммуникативные тактики, которые способствуют снижению негативного эффекта, произведенного на массового адресата отрицательно-оценочным высказыванием журналиста. В результате анализа текстовых записей интервью с В. В. Путиным и Б. Обамой были определены следующие тактики: тактика согласия с критикой, тактика отрицания, тактика нейтрализации и тактика переключения внимания.

Рассмотрим некоторые способы реализации тактики нейтрализации в риторике действующих президентов России и США. Приемы нейтрализации критики, используемые в их реактивных репликах, можно разделить на нейтрализацию тезиса, нейтрализацию субъекта критики и нейтрализацию негативного эффекта на массового адресата.

Нейтрализация субъекта критики ярко проявляется в риторике В. В. Путина. В ход идут различные средства дискредитации оппонента. В ответной реплике президент намеренно занижает статус субъекта оценки, подчеркивает низкую значимость его мнения:

Журналист: ...Как Вы оцениваете усилия Бориса Березовского по созданию оппозиции Вам и его прогноза о том, что Вас в Вашем кресле скоро не будет?

*В. В. Путин: **Борис Березовский – это кто? Вы все время говорили, что он бывший секретарь Совета Безопасности, потом бывший кто-то еще. Сейчас он бывший кто? Бывший депутат Государственной Думы. Это тоже вроде как-то подзабылось. Я Бориса Абрамовича знаю давно. Он неумный и неугомонный человек, он всегда кого-то назначает и кого-то свергает. Пусть трудится. Вообще это неплохо. Знаете **про рыб всяких, которые, чтобы одни не дремали, другие должны их тревожить.*****

Пренебрежительное отношение к субъекту негативного высказывания проявляется в многократном употреблении лексемы «бывший» («*бывший кто-то еще. Сейчас он бывший кто?*»), в характеристике, которую он дает Б. Березовскому («*неуемный, неугомонный, неглупый*»). Также в речи президента угадывается трансформированный фразеологизм, который придает речи экспрессивность и образность, позволяя наглядно представить всю ситуацию в мире политики («*про рыб всяких, которые, чтобы одни не дремали, другие должны их тревожить*» = *На то и щука в реке, чтобы карась не дремал*).

Помимо должностного положения лица и его морально-деловых качеств, поводом для дискриминации может стать даже фонетическая оболочка слова.

Журналист: Владимир Владимирович, предвыборный вопрос с международным уклоном. Отказ наблюдателей БДИПЧ и парламентской Ассамблеи ОБСЕ приехать на выборы Президента к нам – это действительно, как говорил Сергей Лавров, некий ультиматум России и попытка давления на нас или что-то такое, на что не стоит обращать внимания? Спасибо.

В. В. Путин: Не думаю, что у кого-то есть соблазн сегодня предьявлять какие-то ультиматумы России, тем более организации с такой неблагозвучной для русского уха аббревиатурой, как БДИПЧ.

Дискриминация здесь основана на оппозиции «свой – чужой», президент акцентирует внимание на сочетании звуков, чуждом русской лингвокультуре. Отрицательная оценка выражена с помощью лексемы «*неблагозвучный*» = неприятный на слух.

Однако не всегда автор критического высказывания становится объектом ответной критики со стороны президента. Если это авторитетная личность, заслуживающая доверия, В. В. Путин склонен частично согласиться с критикой и принять к сведению замечания. Особенно если речь идет о его предшественнике, как в следующем примере:

Журналист: В продолжение темы предыдущего Президента Бориса Николаевича Ельцина и российско-белорусских отношений. Как вы относитесь к тем критическим замечаниям, которые Борис Николаевич делал в отношении российской позиции по российско-белорусскому договору? В чем видите причину такой возросшей в последнее время политической активности бывшего Президента?

В. В. Путин: Он свободный человек. Имеет возможность свободно передвигаться, встречаться, высказывать свое мнение. Думаю, что ничего здесь плохого нет. Я уже сказал, что мы относимся к его мнению с уважением.

Иную ситуацию мы наблюдаем в риторике Б. Обамы. В отличие от В. В. Путина, американскому президенту не свойственна столь экспрессивно выраженная характеристика субъекта отрицательной оценки, направленная на понижение его значимости.

В одном случае Б. Обама может вовсе проигнорировать субъективную отрицательную оценку и не поддаться на провокацию журналиста:

Journalist: So you had a friendly crowd out there but a pretty fierce Republican reaction in Washington. The Speaker this morning says your acting like an emperor and you're damaging the presidency. Your response?

B. Obama: Well, my response is pass a bill.

Если Б. Обама и упоминает в своей реактивной реплике субъект оценки, то делает это сдержанно. Он может отказаться комментировать высказывание, сославшись на неосведомленность и отсутствие доказательств отрицательной оценки со стороны названного субъекта:

Journalist: One of your heroes, John Lewis, has suggested that if there's no indictment in this case, it would be a miscarriage of justice, and another turning point like Selma. Do you agree with that?

B. Obama: You know, I love John, I didn't see the quote, so I don't want to comment on what John specifically said.

Президент ограничивается одним предложением, чтобы опровергнуть мнение оппонента:

Journalist: There is also a series of senators – Susan Collins, Saxby Chambliss, Lindsey Graham – who allege that all these years after 9/11, there still wasn't enough intelligence shared prior to the attack. And now, Lindsey Graham, who is a senior member of the Armed Services Committee, has said that Benghazi and Boston are both examples of the U. S. going backwards on national security. Is he right? And did our intelligence miss something?

B. Obama: No, Mr. Graham is not right on this issue, although I'm sure generated some headlines.

На основании приведенных примеров отметим, что Б. Обаме свойственно демонстрировать уважение и личное расположение к своим оппонентам (*You know, I love John*), подчеркнуть их значимость и способность оказывать определенное влияние на массового адресата (*Mr. Graham is not right on his issue, although I'm sure generated some headlines*). Подобными качествами может обладать только уверенный в себе лидер и опытный дипломат с высоким уровнем языковой культуры.

Одним из главных средств нейтрализации негативного эффекта, оказанного отрицательно-оценочным высказыванием на массового адресата, является юмор. С помощью юмора президентам удается нейтрализовать эмоциональную напряженность и упрочить свою коммуникативную позицию. Если для Б. Обамы характерна самоирония, добрый, интеллектуальный юмор, то реплики В. В. Путина направлены вовне, зачатую он использует иронию в качестве «коммуникативного щита». Часто предметом шуток В. В. Путина становится непрофессионализм собеседника.

Журналист: ...Интересно, почему не повысили себе [зарплату], но значительно, в разы повысили тем же министрам и депутатам? Они со следующего года минимум будут получать

450 тысяч рублей в месяц. **Не слишком ли это много**, учитывая средний размер тех же зарплат и пенсий, о которых Вы говорили во вступительном слове? Последуют ли за таким резким повышением какие-то новые антикоррупционные требования – требования к открытости, к эффективности, к скромности, в конце концов, если речь идёт о госзакупках, о приобретаемых в рамках госзакупок машинах и так далее?

В. В. Путин: *Мне сегодня приятно с вами работать. Вы задаёте вопрос – и сразу на него отвечаете. Я имею в виду не только Вас, но и предыдущего коллегу.*

С одной стороны, положительная семантика слова «приятно» говорит о том, что президент делает комплимент. Но следующее предложение раскрывает ироничный подтекст сказанного («*Вы задаёте вопрос – и сразу на него отвечаете*»). В. Путин описывает явление коммуникативной неудачи. Ведь, строя вопрос подобным образом, журналист не достигнет своей коммуникативной цели – не получит интересующей его информации.

Комичность ответных реплик может строиться также на контрасте собственного социального статуса и статуса собеседника. Подобный прием нередко используется Б. Обамой:

Journalist: ... Congress has ignored your efforts to try to get them to undo these sequester cuts. There is even a bill that you threatened to veto that got 92 Democrats in the House voting yes. So my question to you is do you still have the juice to get the rest of your agenda through this Congress?

В. Obama: *If you put it that way, Jonathan – (laughter) – maybe I should just pack up and go home. Golly.*

Вместо раздражения и агрессии, эмоций, которых следовало ожидать после подобного некорректного вопроса журналиста, Б. Обама предпочитает снова пошутить. В сознании аудитории возникает картина – получив низкую оценку своей деятельности от журналиста, президент осознает свою профнепригодность и упаковывает вещи в картонную коробку. В подобной ситуации абсурда рождается комический эффект.

Ошибка, допущенная журналистом во время пресс-конференции с В. В. Путиным, состоит в том, что он обращается к президенту с прямым вопросом, который совсем не уместен в данном случае, когда затрагивается тема денег, а также изначально был задан обвинительный и наступательный тон.

Журналист: *...Я всё-таки хотел у Вас уточнить в продолжение по скидке на газ. Как так получилось: вы три года душили Украину ценами на газ и тут неожиданно цену снизили – значит ли это, что до этого цена была «братская» – несправедливая и завышенная для Украины? Вы говорили, что даже это – временные договорённости, и надо идти дальше. О чём, собственно, речь? И, если можно, уточните, эти 15 миллиардов – это отказ Украины от ассоциации с*

Европейским союзом? Сколько вы готовы ещё заплатить, чтобы...

В. Путин: *Ну вот, уже разговор пошёл серьёзный. А сколько вам надо?*

Президент прерывает журналиста и вовлекает его в шуточные партнерские отношения, напоминающие торги на базаре, тем самым подчеркивая низкий уровень профессионализма журналиста.

Как показало исследование, отрицательно-оценочные высказывания в иницилирующих репликах политического интервью характерны для политического дискурса как России, так и США. Одним из факторов, определяющих эмоциональный фон общения с президентом и влияющих на его ответную реакцию, является коммуникативная компетентность журналиста, а также тематика вопроса и субъект отрицательной оценки. Юмор встречается в реактивных репликах обоих президентов, так как представляет собой универсальную активность человека по нейтрализации отрицательных эмоций и установлению контакта. Различия, обнаруженные в способах реализации тактики нейтрализации в ответных репликах президентов, обусловлены психоэмоциональными характеристиками личности, а также особенностями организации политического интервью в российском и американском медиапространстве.

Примечания

- 1 Паршина О. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. С. 51.
- 2 См.: Белова Н. Типы ответных реплик в составе диалогического единства с отрицательным вопросом (на материале французского и итальянского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 13.
- 3 См.: Мельник Г. Общение в журналистике : секреты мастерства. СПб., 2008. С. 13.
- 4 См.: Алтунян А. «Политические мнения» Фаддея Булгарина : Идеино-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I. М., 1998. С. 8.
- 5 См.: Васильев Н. Тренинг профессиональных коммуникаций в психологической практике. СПб., 2005. С. 158.
- 6 Там же.
- 7 Вольф Е. Функциональная семантика оценки. М., 2002. С. 166.
- 8 Маркелова Т. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. М., 1993. С. 105.
- 9 Барташова О., Полякова С. Эмоциональная напряженность как аспект коммуникативной неудачи в политическом дискурсе. СПб., 2009. С. 5.
- 10 См.: Вольф Е. Указ. соч. С. 68.
- 11 См.: Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 224.
- 12 См.: Соснин В., Лунев П. Учимся общению : взаимопонимание, взаимодействие, переговоры, тренинг. М., 1993. С. 35.
- 13 Иссерс О. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М., 2009. С. 54.